

ВНУТРЕННЯЯ НАВИГАЦИЯ: ЧИТАЯ И ПЕРЕЧИТЫВАЯ (ЧАСТНЫЙ ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ К ТЕКСТАМ В.А. ПОДОРОГИ)

А.А. Кириллов
Южный федеральный университет

Каждый раз, читая новое и возвращаясь к прочитанному уже много лет назад, всегда оказываешься в одной схожей ситуации — необходимости выстраивания заново навигационной системы движения в тексте В.А. Подороги. Так было в 1990-е [Подорога 1995; Подорога 1995а], так было в нулевые [Подорога 2001; Подорога 2006], так происходит и сейчас, в десятые [Подорога 2010; Подорога 2016]. Необходимость выстраивания внутренней навигации по смысловому узору текста и персонифицированному ряду — есть эмблематическая маркировка ситуации столкновения с сюжетами и авторскими пропозициями, свойственными В. Подороге. Производство внутренней навигации в пространстве текстов В. Подороги сродни навигации морской, когда в силу «климатических» и «местных» обстоятельств движение возможно или затруднено, но последнее является зависимым от автора текста, а не от его читателя. Подобная технология чтения порождается не самим читателем и не его навыками понимания, интерпретации или аналитических пристрастий и претензий, подобная технология — есть результат заложенного в тексте многослойного течения мысли, выносящего каждый раз на поверхность новые сюжеты и идеи. В соответствии с этим можно говорить о навигационной «проходимости» или «непроходимости» текстов В. Подороги, состояния возможности или невозможности понимания и актуального соотнесения, именно поэтому, читая и перечитывая подобные тексты, так важно «пройти» их заново.

Значительный корпус текстов и их разновекторные теоретические ипостаси — условие и залог читательского интереса, который всегда сопровождает философское творчество Валерия Подороги. Феноменология и психоанализ, аналитическая, визуальная и литературная антропология, критика и психосемиология — вот вводные координаты, дающие возможность читателю совершить путешествие в тёмный и непроницаемый мир постсоветской философии. В своей базовой ориентации текстуальное пространство, конструируемое В. Подорогой, может быть проиллюстрировано действием «еретического императива» П. Бергера, применяемого к актуальной среде философских и литературных дискурсивных практик, практик, в результате распространения и борьбы которых оказалась похоронена советская академическая философская манера производства мысли. Содержательное богатство, многообразие сю-

жетов, неожиданные проблематизации и аналитические интерпретации формируют глубину авторского текста, требующего особой манеры чтения, чтения, которое визуализирует персональный ракурс авторского философствования, раскрывающего личностно ориентированные индивидуальные интуиции и реконструкцию «опыта мысли».

С чем же сталкивается читатель в безграничном текстуальном пространстве океанических просторов творчества В. Подороги? Открытая стихия аналитической антропологии, открытая автором и открываемая читателю каждый раз заново. Антропологические черты философии у автора неотделимы от совокупности методологических ориентиров и аналитических практик и инструментов, которые нацелены на «стихию» повседневного опыта чувствования, переживания и субъективного мышления. Ценной и значимой в подобном ракурсивном горизонте философия может быть лишь настолько, насколько она способна производить многообразную и разветвлённую «аналитику опыта», настолько, насколько она актуально способна брать в расчёт «компоненту феноменологического созерцания». Аналитическая антропология раз и навсегда теснейшим образом связана с «философствующим», «конструирующим» носителем индивидуального опыта переживания. Жизненное пространство аналитической практики — философское действие, образование, выстраивание дискурсивного порядка, посредством соотнесения опыта переживания и понятийного конструирования. Источник аналитической антропологии, раскрываемая перед читателем феноменологическая доксография автора — «овнутрененное» чувство и мысль в начальном опыте философствования.

Тексты В. Подороги — это глубокое пространство, слоисто наполненное, актуальными для автора философскими дискурсами, дискурсами открытыми в их борьбе, столкновении и взаимодействии друг на друга. Таким взаимным давлением и волновым «нахлестом» переполняется текст автора, тем самым давая возможность читателю ощутить и почувствовать естественное состояние современного философствования, открытого и критического, реализующего свою генеральную претензию — желание стать доминирующим. Для погружения в эту стихию борющихся дискурсивных течений автору и нужен разнообразный аналитический инструментарий, без применения которого невозможно прорисовать отчётливо современный сюжет «борьбы за влияние» и в целом всю композицию «борьбы за выживание» отдельной дискурсивной стратегии. Перемещение в пространстве подобного текста требует соответствующей лоции — **описание «морей», «океанов» и их «прибрежной полосы»**, лоция текста В. Подороги выстраивается из визуализации **«приметных мест», «знаков и берегов»**, а также опирается на подробные указания по путям оптимального **«плавания и остановкам у берегов»**, с описанием средств и способов получения необходимых для **«плавания предметов»**. Производство такой лоции «текста» — дело непростое и кропотливое, это дело автор оставляет не за собой, а за читателем, предоставляя ему самому возможность передвигаться в пространстве мыслей и смыслов, опираясь на предоставленную аналитическую процедуру, нейтрально аналитическую. С ее помощью многообразные философские дискурсы, так плотно насыщающие корпус текстов В. Подороги, становятся открываемыми и исследуемыми со стороны читателя. «Опыт мысли» — вот первейший предмет интереса аналитической антропологии, реконструкция её среды рождения и условий становления, выявление эмблематических образов и метафорических конструкций, наполняющих «невосстановимое» время индивидуального опыта переживания и представления.

«Навигационное оборудование». Практика авторского письма и практика соответствующего ему чтения вскрывают внутреннюю «навигационную» схему взаимосвязи построения антропологического проекта (аналитического, визуального, литературного), проекта, ориентированного на исследовательскую перспективу «истории жизни», индивидуально конструируемого «Я» и связанного с ним репрезентационного акта «не-Я» посредством авто-био-гра-

фической аналитики. Отсутствие устойчивых схем, стереотипных ходов и методологических клише — базовая установка аналитической антропологии, ориентированной на индивидуализированный анализ высказываний, локализованных в «персональных рядах», реконструирующих пространство экзистенциального опыта субъектной «история жизни» и «опыта мысли». Из данной аналитической реконструкции перед глазами читателя возникает процесс производства уникального «произведения», со свойственными только ему наборами навигационных символов и координатных маркеров.

«**Приметные места, знаки и берега**», в текстуальной лоции В. Подороги становятся видны и различимы, тогда, «невосстановимое», как предмет аналитической антропологии, раскрывается перед читателем в пространстве автобиографического дискурса (**авто-био-графический дискурс** — в авторском написании В. Подороги, Авто-био-графия. Зеркальная подпорка. С. Эйзенштейн и кинематограф насилия. Вопрос о методе. Москва, «Логос», 2001), дискурса как «высказывательного порядка», организующего и упорядочивающего опыт мысли и горизонты повествования. Антропологическое измерение аналитической процедуры способно раскрыть процесс порождения многообразных схем и инстанций, лежащих в основании «произведения» философского или литературного, произведения, складывающегося из «жизни-переживания» — «авторской рефлексии и соотнесённости» — «описательных практик». Такими «приметными местами» «знаками и берегами» в текстах В. Подороги выступают такие узнаваемые описательные конструкции как «контр-энергия власти», «тело и символ», «непрямая коммуникация», «квантум власти», «опыт чтения», «места власти», «массовидные и индивидуализированные тела», «движение текстов», «семиозис тела». «избыточность и непроницаемость», «голос и письмо», «порядок чтения» и т. д. Именно эти описательные конструкты как своего рода «маяки» задают внутреннюю навигационную схему «произведения», как воплощённого в тексте конструирования рефлексивного опыта и репрезентационной направленности автора. На данное «производство произведения» направлены аналитические усилия и весь инструментарий антропологии В. Подороги. Если внутренняя навигация верна и корректна, то читателю в полной мере становится доступен горизонт наблюдения «возможного», «воображаемого», «идеального проекта жизни» автора, того, что в процессе аналитической процедуры реконструируется и находит выражение на категориальном уровне и имеет возможность быть воплощённой в ту или иную форму социальной реальности. Исследовательская перспектива сопоставление литературного и философского письма полностью себя оправдывает, так как в пространстве повествовательных уровней и описательных инстанций происходит конкретизация кратических претензий соперничающих за влияние в актуальной социальной реальности дискурсивных стратегий. Иерархия подчинения, порядок принуждения и практики господства, воплощённые в соперничающих формах (концептуальных и метафорических) и описательных стратегиях контроля над статусом реальности рассматриваются автором (Власть. Опыты по психосемиологии. Заметки 90-х годов. Москва, 2006 г.) сквозь призму «персонифицированных рядов», олицетворяющих «историю жизни» и «опыт мысли» эпохи. Deskриптивная технология аналитической процедуры обналичивает теоретический контекст текстоцентризма культурных средовых условий производства «произведения», где выявление «приметных мест», «знаков» и «береговых линий», естественным образом, способно выпонить роль внутреннего навигационного ориентирования.

«**Океаны**», «**моря и континенты**» в текстуальных порядках В. Подороги приобретают свои очертания, становятся видимыми и «заново открываются» читателю со всей своей грандиозностью и значимым масштабом — С. Киркегор, Ф. Достоевский, Н. Гоголь, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, З. Фрейд, Э. Гуссерль, М. Пруст, Л. Витгенштейн, Ж. Делёз, Ф. Кафка, М. Фуко, Р. Барт, М. Мамардашвили, В. Беньямин, Т. Адорно и т. д. Каждая персо-

на (а чаще всего — «персонифицированный ряд») для автора — это разветвлённая среда завершённых высказываний, требующая своего анализа, так как только аналитическая процедура способна на понятийном уровне раскрыть «глубины» и «просторы» персонифицированных автором пространств «опыта мысли». Ориентируясь на ключевые «приметные места», «знаки» и «береговые линии» описательных конструктов, читатель получает возможность окунуться в бурную стихию «борющихся» литературных и философских дискурсов», получает навык различения их актуальности или утратившую актуальность природы устройства, характер и претензию на господство, социальную значимость и эпистемалогическую ценность. Большую роль в данной аналитической процедурной практике будут играть интерпретативные схемы и приёмы, которые применяет автор к «персонифицированным рядам», которые как подводные течения и потоки, могут выносить читателя, поднимать «на поверхность» или опускать «на глубину» анализируемого «опыта мысли». Аналитическая авто-био-графия, выходя за рамки литературной жанровой спецификации, способна произвести концептуальное единство дискурсивного порядка, образующего порядок внутренней навигации, выводящей читателя в непосредственное пространство экзистенциального опыта индивидуализированной «истории жизни» и «опыта мысли». «История жизни», «опыт мысли» «культура и реальность», — всё это должно быть вскрыто и обнажено, преодолевая эстетические нормы, гносеологические ориентиры, литературные клише и языковые конвенции конкретной эпохи.

Когда «знаки» и «береговые линии» очерчены, а «океаны» и «континенты» находятся в горизонте наблюдения, для читателя настаёт ответственный момент — визуализация всей картографической композиции автора, которая складывается из сложного и противоречивого пересечения философских и литературных дискурсивных «практик современности». Именно они задают пространственную характеристику координатной сетки «опыта мысли», так ярко и контрастно представляемую автором. Внутренняя навигация, начиная работать, задаёт ориентиры, указывает смысловые направления и визирует масштаб происходящего. Текстуальная логика воспроизводит дискурсивную «войну интерпретаций», конфликт «форм мышления» и «опытов мысли», всё то, что первоначально непроницаемо и сокрыто за многообразием персонифицированных пропозиций, так густо представленных в текстах В. Подороги. Внутренняя навигация как опыт чтения открывает перед читателем «историю жизни», которая может быть выражена как понятие, так и метафора, отсюда нетривиальный и неслучайный интерес В. Подороги к авто-био-графическому анализу «опыта мысли» как литераторов-мыслителей, политиков-писателей, так и литературоцентричных философов.

Подорога В.А. 1995. *Феноменология тела: введение в философскую антропологию: материалы лекц. курсов 1992–1994 гг.* — М.: Ad Marginem.

Подорога В.А. 1995а. *Выражение и смысл: Ландшафтные миры философии: Серен Киркегор, Фридрих Ницше, Мартин Хайдеггер, Марсель Пруст, Франц Кафка.* — М.: Ad Marginem.

Подорога В.А. 2001. *Авто-био-графия. Зеркальная подпорка. С. Эйзенштейн и кинематограф насилия. Вопрос о методе.* — М.: Логос.

Подорога В.А. 2006. *Мимесис. Аналитическая антропология литературы. Том 1. Н. Гоголь. Nature morte. Ф. Достоевский. Рождение двойника.* — М.: Культурная революция.

Подорога В.А. 2010. *Апология политического.* — М.: ВШЭ.

Подорога В.А. 2016. *Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии.* — М.: Грюндриссе.